УДК 94(47).081

Р. А. Савчук

Записка М. Н. Каткова по вопросам внешней политики Российской империи (1878 г.)

Общественно-политическая мысль второй половины XIX в. развивалась очень бурно. Правление императора Александра II давало плодотворную почву для осмысления происходящего в самом разном духе и направлениях. В том числе в духе доброжелательной критики, либерального консерватизма. Как замечал в 1884 г. автор анонимной записки «Современное состояние России и сословный вопрос»: «<...> истекшее двадцатилетие, столь богатое возбуждением, но не разъяснением вопросов, оставило в наследство современному поколению один вопрос: куда мы идем?»[1] Предметом данной публикации является записка редактора «Московских ведомостей» М. Н. Каткова[2] по поводу его статьи, касавшейся деятельности Министерства иностранных дел Российской империи, в № 121 редактируемой им газеты от 14 мая 1878 г. Записка находилась в канцелярии Московского генерал-губернатора, и сегодня хранится в Центральном государственном архиве Москвы в деле под названием «Дело о напечатании в газете “Московские ведомости” статей, направленных против высших дипломатических органов правительства. 17 мая 1878–25 мая 1878 гг.»

Для лучшего понимания смысла записки приведем выдержки из газетной публикации, которая и явилась основанием для объяснений, приведенных М. Н. Катковым в записке:

«У газеты *Times* есть в Петербурге ловкий корреспондент, знающий порусски, имеющий знакомства и связи. Говорят, что он днюет и ночует в Министерстве Иностранных Дел; насмешники прибавляют, что он там исправляет должность советника, если не более. Но вот в последнее время этот

петербургский корреспондент <...> сообщает в Лондон самые незначащие известия, а о миссии графа Шувалова совсем ничего не сообщает; зато в корреспонденциях из Вены в ту же газету сообщаются самые интимные об этом подробности. Удивляешься, как этот корреспондент, живущий в Вене, так занят петербургскими делами и так посвящен в их подробности. В его сообщениях венского только и есть что пометка Вена.

В последней петербургской депеше из Вены рассказывается, будто бы граф Шувалов, тотчас по прибытии в Петербург, "с редкою откровенностью и смелостью" напал на Сан-Стефанский трактат и его составителей. Он будто бы так же смело, как лорды Биконсфильд и Солсбери, объявил этот трактат ошибкой и убеждал отдать его этим лордам на раздрание <...>.

Что наши непримиримые противники желают уничтожить трактат, купленный русскою кровию, это всем известно; но что русский дипломат будто бы усердно содействует им в этом и мыслит с ними заодно — это выходит за пределы вероятия <...>.

Русский дипломат будто бы обличает перед Русским правительством составителей Сан-Стефанского трактата! Но кто же писал этот трактат как не Русское Правительство? <...>

Сан-Стефанским трактатом, при обстоятельствах среди коих он заключен, дано лишь доказательство замечательной умеренности, самообладания, можно почти сказать, самоотречения России <...>.

Естественно, что Англия недовольна русскими успехами и силится разорвать Сан-Стефанский трактат; но возможно ли, чтобы русский же дипломат был ей в этом помощником? <...> Замечательно, что даже в эту минуту готовящегося соглашения министерская газета (*Standard* — газета Биконсфильда. — Р. С.) не считает нужным, хотя бы из приличия, щадить достоинство России, и с циническою откровенностью указывает на то, что уступки, на которые соглашается Россия, суть плод произведенного на нее "давления" <...>.

Neue Freie Press замечает следующее по поводу уступчивости России: "Если Россия считает, что она может мерить австрийские требования иною меркой, нежели английские, то не мешало бы на берегах Невы принять во внимание, что уступчивостью по отношению к Англии там показали Австрии, какой путь она должна избрать, чтобы заставить русский кабинет признать и ее требования и оказать должное внимание к могуществу Австрии <...> пример Англии показал нам, что нужно только показать энергию <...>".

Пример Англии! Значит, нужно только отправить из Вены русского дипломата в Петербург»[3].

После выхода этой публикации к московскому генерал-губернатору В. А. Долгорукому обратился министр внутренних дел А. Е. Тимашев с секретным письмом, в котором сообщал следующее: «Милостивый Государь, Князь Владимир Андреевич. Государь Император, по прочтении передовых статей № 121 Московских Ведомостей изволил заметить, что подоб-

ные статьи, направленные прямо против высших дипломатических органов Правительства, причем деятельность этих органов обвиняется как бы в предательстве — должны быть признаны крайне неудобными<...>. Ввиду сего Государь Император поручает Вашему Сиятельству указать г[осподину] Каткову неудобство подобных статей и потребовать от него объяснение <...>»[4]. М. Н. Катков ответил генерал-губернатору 22 мая 1878 г. Он писал: «Воля Государя Императора для меня священна, и я предпочел бы вовсе умолкнуть, нежели не соответствовать ей в моей общественной деятельности. Я не принадлежу ни к какой партии и не имею других побуждений, кроме желания служить органом чисто русского мнения в оценке событий и дел, касающихся нашего Отечества. Мои объяснения по поводу № 121 Московских Ведомостей имею честь приложить при сем в особой записке»[5].

Так появилась записка, полный текст которой публикуется ниже. Изложенную в ней позицию вполне можно назвать патриотической. М. Н. Катков, указывая на нерешительность русских дипломатов, справедливо критикует Сан-Стефанский мир с точки зрения тех обстоятельств, при которых он был заключен. Автор записки говорит предметно и определенно — что главной ошибкой этого мира было место его заключения: Россия должна была проявить решительность и войти в Константинополь. Михаил Никифорович выступает также с обоснованным требованием выработки действительно национальной, отражающей чаяния и интересы всего русского народа позиции во внешней политике. Он смело критикует дипломатов Российской империи за то, что они под прикрытием общенациональных отстаивают фактически свои собственные интересы во внешней политике.

***

Записка М. Н. Каткова московскому генерал-губернатору В. А. Долгорукову, 22 мая 1878 г.

В трудные минуты, какие мы теперь переживаем, было бы преступным хранить равнодушие при виде шагов, которых ошибочность представляется нам ясно и в пагубных последствиях которых мы убеждены. Бог дал мне чуткость и некоторую сообразительность, и я считал себя обязанным говорить по совести и крайнему разумению в надежде принести какую-нибудь пользу и если пользы не принес, то не причинил и вреда. Многого я не мог высказать в печати по щекотливости предмета; но опасения и предусмотрения, внушенные мне национальным чувством, большею частью оправдывались событиями. С самого начала смут на Востоке, возбужденных не Россией и не в ее интересе, я был убежден, что путь Европейских соглашений не приведет к добру в деле, которое в начале можно было уладить один на один с Турцией, бывшею тогда в дружбе

с нами. Но дипломатия наша хотела непременно действовать в Европейском концерте. Это казалось ей народнее, хотя сила и достоинство державы измеряются напротив самостоятельностью ее действий. Наша дипломатия, таким образом, подняла, сама не подозревая того, Восточный вопрос в то время, когда Россия вовсе не была расположена возбуждать его. Европейские соглашения роковым ходом привели нас к войне. Мы отказывались от всех наших требований, уступили во всем, чтобы соблюсти концерт, и пришли к войне. В течение многих месяцев, пока длились переговоры, Турция собрала многочисленные армии и изготовилась к отчаянной борьбе. Она охотно приняла войну, которую мы, с своей стороны, введенные в заблуждение дипломатией, начали, не приготовившись серьезно, только с теми силами, которые первоначально были выдвинуты нами для демонстранции. Это стоило нам много лишней крови и жертв. Наконец Бог дал нам полную победу, но дипломатия не дала нам ею воспользоваться. Ее обманули искусные в обманах английские государственные люди. Мы не заняли тех командующих стратегических позиций, которые обеспечили бы нам действительно прочный и достойный мир. Зато их заняли англичане, что сразу изменило наше положение и на Балканском полуострове, и в Европе. Никто не может желать войны. Но сомнительно чтобы путь, принятый нашими переговорами с Англией, поскольку сущность их известна, мог привести к миру. Есть основание опасаться, что путь соглашения с враждебными нам интересами, путь уступок и концерт, и на этот раз не приведут нас к добру. Дай Бог, однако, чтобы это опасение не оправдалось. Я более всех порадуюсь этому. И если дипломатия принятым ею путем приведет нас, по крайней мере, к прочному миру, в котором не будет таиться семени близких пагубных последствий, то все благословят ее и никакого доверия и неудовольствия не может остаться в обществе вследствие того, что некоторые мнительные люди высказывали свои опасения.

В случае же неуспеха, который обойдется России очень дорого, людям, предвидевшим (*л. 11 об.*) его и молчавшим, всякий скажет со справедливым укором: «Зачем же вы молчали, когда было время говорить и вы могли говорить?»

До сих пор сущность переговоров с Англией официально не объявлена; но в иностранной печати, тотчас по прибытии Гр. Шувалова в Петербург, распространились слухи о его миссии, которые главным образом сообщались корреспондентом Лондонской газеты «Times». Нельзя было оставлять без внимания эти известия. Насколько с торжеством и радостью принимались они в самых завидемо враждебных России органах, настолько должны были они унижать Русское чувство. В № 121 Московских Ведомостей было обращено внимание на сообщение корреспондента означенной газеты, будто Гр. Шувалов, прибыв в Петербург, объявил Сан-Стефановский договор ошибкой и порицал его составителей. Имел ли место такой факт, и в каком смысле, мне было неизвестно; но очевидно, что подобный факт не должен был идти в огласку. Гр. Шувалов конечно мог и должен был с полною откровенностью высказаться

пред Государем, но никак нельзя было бы желать, чтобы в публике говорилось, что представитель России при Лондонском дворе порицает хотя своего Правительства, договор, ратификованный его Государем, и становиться таким образом на точку зрения противников своей стороны. А именно такой вид получает этот факт по сообщению английского корреспондента. Поэтому следовало с нашей стороны высказать ее мнение в достоверности сообщения, что и было сделано в Московских Ведомостях, хотя, к сожалению, не довольно удачно.

Ошибка ли Сан-Стефанский договор? Что касается его содержания, то едва ли договор станет лучше от поправок, которые будут внесены в него для соглашения с Английскою точкою зрения. В чем же ошибка? Не смею думать, что ошибка была, и что она состоит в обстоятельствах, сопровождавших заключение этого договора. Он не был бы ошибкой, если б он был заключен не в Сан-Стефано, а в самом Константинополе. Ошибка еще состояла в том, что дипломатия наша задалась мыслию о Европейском Концерте. Вот две ошибки: невзятие решающих стратегических позиций и принятие конгресса. Одно из самых важных для России последствий победоносной войны было бы именно освобождение ее от унизительного пребывания под контролем Европы, который был последствием неудачной войны 1853–1855 гг. Это было бы важнее возвращения уступленного нами клочка Бессарабии. Владея могущественной гарантией, мы могли, если б это было нужно, войти в сделки с заинтересованными державами порознь, не допуская и мысли о конгрессе. В то время мы господствовали над положением. Ни Англия, ни Австрия не были готовы к решительному действию. Турецкие армии были уничтожены, и все христианские народы Балканского полуострова, не исключая Румын и Греков, были под ружьем и за одно с нами. При этих обстоятельствах не только Сан-Стефанский договор, но и условия более в нашем смысле сильные были бы признаны умеренными. Мы могли бы, если бы захотели окончательно решить Восточный вопрос в смысле более для нас благоприятном, если бы при нашем, тогда господствовавшем на Балканском полуострове положении, успели заключить реальный (подчеркнуто в подлиннике. — *Р. С.*) союз с Германией.

Мысль о Европейском концерте, овладевшая нашею дипломатией, привела нас к войне, к которой мы не готовились; она же может лишить нас частного мира, который так дорого нами куплен.

Нашим дипломатам мало служить представителями России; они стараются быть представителями Европы. Они руководствуются чужеземным мнением под именем Европейского и с высока относятся к своей нации, почти не признавая ее. Они так привыкли к иностранному образу мыслей, что сами инстинктивно опасаются, как бы Россия не стала слишком могущественна в ущерб Европе.

Следовать мнению чужеземному под видом Европейского легко; тут все готово и всем будешь приятен и угоден. Следовать Русскому мнению тяжело: надо вырабатывать его своим трудом и быть готовым на всякие неприятности

и на тяжелую борьбу. Дело в том, что мы, к сожалению, не имеем еще поистине национальной политики.

Русская национальная политика не дала бы себя в грубый и столь очевидный обман Биконсфильда. Она поняла бы, что не России, а Англии теперь опасна борьба.

Передача иностранному корреспонденту объяснений графа Шувалова; которые должны были оставаться тайной и могли происходить только в тесном кругу правительственных лиц, есть печальный факт. Но я не знаю, кто и зачем выдает, таким образом, тайны Императорскаго кабинета, придавая своим сообщениям в то же время особый тенденциозный оттенок сношений петербургского корреспондента Times <нрзб> Nallace с персоналом Министерства иностранных дел, никому не тайна и всего менее скрывает он их сам. Раз в Московских Ведомостях было сказано, что он заимствовал из Петербургских Ведомостей одно известие, касающееся наших иностранных дел. Он поспешил дать мне знать, что я ошибаюсь, и что он черпает свои сведения непосредственно из источников. Но он отрицает высказанную в № 121 Московских Ведомостей догадку, что от него же идут Венские депеши той же газеты. Он утверждает, что Венский корреспондент Times получает свои сведения независимо от него, имея first rate Russian source of his own and he sometimes gets informations as soon as I do (первоклассный собственный русский источник, и он иногда получает информацию так же быстро, как и я. — пер. *Р. С.*).

Еще до возвращения Гр. Шувалова в Лондон Венский корреспондент газеты *Times*, черпая из первоклассного Русского источника, разгласил на всю Европу, что Русский посол кроме уступок, обещанных вследствие английских требований, уполномочен еще предложить еще большие уступки (to offer great concessions). Чего же можно ожидать от переговоров, если противная сторона знает, что уполномоченное лицо имеет неопределенный запас новых больших уступок?

Центральный государственный исторический архив Москвы.
Ф. 16. Оп. 68. Д. 120. Л. 10–14.

[1] Российский государственный архив древних актов. Ф. 181. Д. 1010. Л. 2.
[2] Катков Михаил Никифорович (1818–1887) — русский публицист, издатель, литературный критик. Редактор газеты «Московские ведомости», основоположник русской политической журналистики.
[3] Московские ведомости. 1878. № 121, 14 мая. С. 2–3.
[4] Центральный государственный архив Москвы. Ф. 16. Оп. 68. Д. 120. Л. 1 — 1 об.
[5] Там же. Л. 5.

Р. А. Савчук. Записка М. Н. Каткова по вопросам внешней политики Российской империи (1878 г.)

В публикации представлена записка редактора газеты «Московские ведомости» М. Н. Каткова. Появление данного документа связано с критической позицией автора касательно Сан-Стефанского мирного договора 19 февраля (3 марта) 1878 г. и в целом деятельности российского дипломатии, которую он изложил в № 121 редактируемой им газеты от 14 мая 1878 г. В публикуемой записке, адресованной Московскому генерал-губернатору В. А. Долгорукому, М. Н. Катков аргументированно объясняет свою позицию.

Ключевые слова: дипломатия, внешняя политика, русско-турецкая война, Сан-Стефанский мирный договор, Европейский концерт, публицистика, общественно-политическая мысль.

R. A. Savchuk. M. N. Katkov's note on foreign policy of the Russian Empire (1878)

The subject of the publication is the note of M. N. Katkov, editor of the newspaper *Moskovskiye vedomosti*. The appearance of this document is related to the critical position of the author on the San Stefano peace treaty on February 19 (March 3), 1878, and the whole activity of Russian diplomacy, which he outlined in his article on 14 May 1878. The published note addressing the Moscow Governor-General V. A. Dolgoruky.

Key words: diplomacy, foreign policy, Russian-Turkish war, San Stefano peace treaty, European concert, journalism, political thought.

Савчук Руслан Александрович — аспирант Киевской духовной академии, Украина.
Savchuk Ruslan — graduate student of the Kiev Theological Academy.
E-mail: russ_sav@mail.ru